

Литература

1. Долинин А. Набоков, Достоевский и достоевщина // Старое литературное обозрение. № 1. 2001. URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/nabokov-dostoevskij-i-dostoevshhina.html> (дата обращения: 29.04.2021).
2. Карлинский С. Лекции Набокова по русской литературе // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.
4. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999.
5. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. СПб., 1997.
6. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002.
7. Сартр Ж. П. Владимир Набоков. «Отчаяние» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
8. Шаховская З. В описках Набокова: отражения. М.: Книга, 1991.

УДК 821.161.1.09"19/20"

А. В. Зайцев

Костромской государственной университет
aleksandr-kostroma@mail.ru

ТВОРЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ И. А. ДЕДКОВА

В статье рассматривается творческое развитие гуманистических и духовно-нравственных традиций Ф. М. Достоевского в литературном наследии советского и российского критика и публициста Игоря Александровича Дедкова. В результате проведенного исследования автор статьи выявляет специфику интерпретации и использования И.А. Дедковым концепта «духовность» в сфере литературно-критической деятельности.

Ключевые слова: *духовность, гуманизм, нравственность, литература, литературная критика, философия, Ф. М. Достоевский, И. А. Дедков.*

Aleksandr V. Zaitsev

Kostroma State University

CREATIVE RECEPTION OF SPIRITUAL AND MORAL TRADITIONS OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE LITERARY HERITAGE OF I. A. DEDKOV

The article discusses the creative development of the humanistic and spiritual and moral traditions of F. M. Dostoevsky in the literary heritage of the Soviet and Russian critic and publicist Igor Alexandrovich Dedkov. As a result of the study, the author of the article reveals the specifics of the interpretation and use of I. A. Dedkov of the concept "spirituality" in the field of literary and critical activity.

Keywords: *spirituality, humanism, morality, literature, literary criticism, philosophy, F. M. Dostoevsky, I. A. Dedkov.*

И. А. Дедков не был историком литературы. Не был он и литературоведом. Он был литературным критиком, а потому анализировал, прежде всего, современную ему (советскую) литературу. Тем не менее в настоящей статье мы попытаемся проанализировать рецепцию, то есть его отклик, реакцию, восприятие и творческую переработку некоторых аспектов духовно-нравственной проблематики прозы Ф. М. Достоевского и его творчества в целом. В своих публикациях о писателях второй половины XX столетия Дедков нередко обращался к творчеству Достоевского, рассматривая творчество современных советских литераторов в более широком контексте русской классической литературы и духовно-нравственных традиций дореволюционных авторов.

Напрямую связанными с именем Достоевского можно назвать три его статьи, две первые из них были опубликованы еще в костромской областной газете «Северная правда». Первая из этих статей – это рецензия на книгу Ю. В. Лебедева и Л. Д. Волковой о методических

аспектах преподавания творчества Достоевского в средней школе [6]. Вторая представляет собой газетную рецензию на художественный фильм по роману Достоевского «Идиот» [7]. И, наконец, третья была написана Дедковым уже в московский период его литературно-критической деятельности, посвящена анализу книги Ю. Ф. Карякина «Достоевский и канун XXI века» (М., 1989) и опубликована в журнале «Коммунист» [8].

Это то, что касается непосредственно Достоевского в литературно-критическом наследии Дедкова. Но различные высказывания об этом великом русском писателе разбросаны по страницам его статей, публикаций и дневниковых записей. Именно они, как это будет продемонстрировано чуть ниже, представляют для нас особую ценность.

Теперь о второй составляющей нашей публикации – о проблеме духовности в литературно-критическом и творческом наследии Дедкова. Нельзя не согласиться с профессором Ю. В. Лебедевым, заметившим, что Дедков «к духовности относился со священным трепетом и почти никогда этого слова в своих трудах не упоминал» [16, с. 74]. Однако, ради справедливости, все-таки стоит обратить внимание на одну из наиболее значимых – с нашей точки зрения – статей Дедкова, которая напрямую связана с проблемой духовности в литературном процессе. Эта работа – «Как “выстраивается” духовность?» – первоначально вышла в свет в журнале «Литературное обозрение» [1], а затем, в несколько расширенном варианте, была включена автором в сборник литературно-критических статей и очерков под названием «Во все концы дорога далека» [2].

Оговоримся, что понятие «духовность», широко употребляемое в различных социогуманитарных и общественных науках и областях знания, довольно многозначно, и какого-то единого, общего для всех, понимания этого полисемантического термина до сих пор не существует. Поэтому многие писатели и научные работники, в том числе и Дедков, вкладывают в него свою, подчас достаточно субъективную авторскую интерпретацию. Поэтому необходимо крайне осторожно подходить к выяснению специфики употребления понятия «духовность», не допуская его узкое объяснение с точки зрения какой-либо одной, пусть и достаточно авторитетной, дисциплины, науки, школы, направления и проч.

С этой точки зрения, никак нельзя согласиться (с ныне уже ушедшим из жизни) доктором философских наук Л. Б. Шульцем, утверждавшим, что для Дедкова, в вышеназванной статье, проблема духовности – это «традиционная философская проблема материального и духовного». И что, «поставив большую философскую проблему, Дедков разрабатывает ее в пределах традиционной для философии искусства проблемы» [20, с. 116]. На наш взгляд, ничего подобного в дедковской интерпретации духовности нет. Как нет и в его использовании понятия «духовность», действительно как «традиционного», в рамках материалистической (марксистской) философии, противопоставления материального и идеального (духовного). Оспаривая позицию Л. Б. Шульца, автор соглашается с точкой зрения другого философа – Ф. В. Цанн-Кай-Си, утверждавшего, что «И. Дедков восстает против разведения духовного и повседневного. Он хочет преодолеть дихотомию: духовное – вечное, а повседневное – преходящее, злободневное» [19, с. 27]. Как полагает Ф. В. Цанн-Кай-Си, лично хорошо знавший костромского критика, он каждой своей статьей, очерком, строкой воспоминаний или интервью «убеждал, что духовность существует и обнаруживается часто там, где даже трудно предположить, в сферах далеких от наших привычных представлений о духовности» [19, с. 27].

Духовность у Дедкова – как это будет более подробно показано ниже – не противостоит материи и не является антиподом материального бытия. Термин «духовность» используется им не в контексте присущей для философии «системы координат». Применять к нему (термину «духовность») характерное для материалистической философии подразделение всего многообразия бытия на две суперсубстанции – материальную и духовную (идеальную) – при анализе литературной критики Дедкова методологически неверно.

В начале статьи мы, хоть и мельком, отметили отличие литературной критики от истории литературы и литературоведения. Теперь стоит сказать и об ее тождественности философии с присущей строгим категориальным аппаратом. Философия, как наука, стремящаяся к постижению объективной истины, глубоко отлична и от литературы, и от литературной критики с их субъективизмом в интерпретации окружающей действительности. В отличие от философии (философии искусства, эстетики, культурологии), литературная критика, как известно, вовсе не наука, а разновидность литературного творчества (как и, с оговорками, определенная часть неклассической философии). Поэтому философические термины и понятия в литературной критике и в философии орфоэпически могут быть тождественными, но семантически – гетерогенными. То, что в философии обозначает одно, в литературной критике (как и в литературе, публицистике, поэзии, живописи, теологии) может быть и одним, и другим, и третьим или совсем чем-то иным. Язык философии имеет свой собственный ареал бытия, за пределами которого его применение к схожим понятиям ведет к когнитивному диссонансу, к непониманию, путанице, конфликту.

Для того чтобы этого не происходило, необходимо обращать внимание на то, в каком смысле используется в творчестве писателя (литературного критика, мыслителя, поэта, художника) то или иное понятие: в общепринятом или в индивидуально-личностном? То есть концентрировать внимание на том, как это понятие интерпретировано, каким новым содержанием оно наполнено.

Понятие «духовность» в литературно-критическом дискурсе Дедкова используется не как строгая философская категория, имеющая к тому же множество самых разнообразных смысловых коннотаций. Напротив, духовность – в интерпретации Дедкова – это антипод таким действительно идеалистическим эпифеноменам в литературном творчестве, как фальшь, иллюзии, ложь, фантазии, грезы, приукрашивание действительности и искажения суровой объективной реальности, повседневного трудового быта и земного материального бытия простого народа. Духовность у него самым теснейшим образом связана с материальным трудом, работой, производством, а также с дискуссиями, спорами, размышлениями, диалогами по поводу этих сугубо материальных процессов и отношений. Именно так, по мнению Дедкова, и «выстраивается» духовность. Поэтому решение им вопроса о духовности в сфере литературного творчества очень далеко отстоит от того, что в теории материализма, марксистской эстетики и философии искусства получило наименование «основного вопроса философии» [18, с. 12–13].

Однако обратимся непосредственно к тексту статьи «Как “выстраивается” духовность?» Слово «выстраивается», по отношению к понятию «духовность», взято Дедковым из статьи С. П. Ульяшова, литературного критика чуждой для него патриотической (националистической) направленности. Игорь Александрович вступает в спор, развернувшийся между Л. А. Аннинским и С. П. Ульяшовым на стороне первого, более эстетически и социологически близкого ему литературного критика.

Если Аннинский утверждал приоритет реальности над «избыточной художественной роскошью» и писал, что если «заниматься реальностью», то «духовная сверхреальность сама выстроится», то Ульяшов занимал иную позицию, с которой категорически не был согласен Дедков. Дело в том, что Ульяшов критиковал очерковую прозу 1950-х годов, в которой, по его мнению, так и не «выстроилась духовность». Дедков вступился за В. В. Овечкина и его цикл очерков о советской деревне.

В отличие от Ульяшова источник духовности Дедков видел не в приукрашивании действительности и не в использовании автором каких-то особых изобразительных средств, метафор, сравнений, лирических отступлений и проч. Источник духовности, по мнению Дедкова, заключен в человеческой жизни, в повседневном труде и борьбе человека за свое

достоинство. В этом отношении пример В. В. Овечкина был очень показателен, и высокая оценка его (действительно очеркового) стиля со стороны Дедкова не совпадала с точкой зрения Ульяшова. Игорь Александрович видел в творчестве писателя-очеркиста довольно редкое для начала и середины 1950-х годов отражение правды жизни, которой так не хватало многим советским писателям этого времени, да и последующих годов тоже.

Не соглашается Дедков и с позицией В. В. Ерофеева, заявившего о приоритете «вечного» (то есть того, что не зависит «от погодных условий») над историческим контекстом, обстоятельствами реальной жизни и условиями бытия конкретных людей. В подтверждение своей позиции Дедков ссылается на традиции русской классической литературы в лице Достоевского и Л. Толстого. Для них «погодные условия», – пишет Дедков, – «были жизнью, отвлекаясь от которых они не могли и не хотели». Без этого «страстного интереса к “погодным условиям”, к этой презираемой временности, не было бы ни “Бесов”, ни «Преступления и наказания», ни “Братьев Карамазовых”» [2, с. 196].

Дедков откровенно иронизирует над примитивизированным, с его точки зрения, истолкованием феномена духовности: «Составив опись популярных ныне литературных приемов и радостно поверив, что “духовность” – от них или же что они – знак возросшей, благодетельной “духовности”, можно ошибиться, потому что этот подход и отсчет не с того конца» [2, с. 195]. К тому же духовность вовсе не «произрастает» там, где «усердно хлопчут о “вечном”, “нетленном”, “бессмертном”, “духовном”» [2, с. 194]. Обращение к реальности, к правде жизни, о чем свидетельствует литературный опыт предшественников в лице Достоевского и других русских писателей, куда более плодотворен и надежен в сфере духовно ориентированного художественного творчества.

Дедков, как показывает анализ его творческого наследия, был искренне убежден, что только реализм в изображении подлинного человеческого бытия, обращение к необъятному простору народной жизни, к ее бесконечному разнообразию и богатству – как это было характерно для лучших традиций русской дореволюционной классической литературы – делает современную советскую литературу по-настоящему духовной и нравственной, а позицию литератора (писателя, поэта, публициста, литературного критика) гуманистической и нравственной [13, с. 55–56].

«Нынешние критики очеркового “прагматизма” 50-х годов, кажется не замечают, что, стремясь к “духовности”, к “вечному” и обходя многое существенное, насущное в жизни современников, – пишет Дедков, – пренебрегая им, могут невольно оказать чрезвычайно большую услугу всему истинно временному, ограниченному, сужающему духовный смысл и возможности человеческого существования» [2, с. 190–191]. О чем здесь идет речь? Скорее всего, как это можно предположить с изрядной долей уверенности, – об идеологической конъюнктуре, об изображении жизни с позиции правившей в тот момент власти, ее ценностей и идеалов. Не имея возможности напрямую выразить свои взгляды, Игорь Александрович тщательно маскирует, «прячет» свои убеждения, используя «эзопов язык» и глубоко скрытые в тексте статьи полупафосы. Его интерпретация «духовности» – как вскрывает герменевтика текста статьи «Как “выстраивается” духовность?» – чужда и антиномична концепции духовности в соцреализме, марксистской эстетике и ее философии искусства.

В. В. Овечкин не воспринимал нарочитой «художественности», «беллетристики», не терпел сухой отвлеченности и абстрактного теоретизирования. Публицистическое начало в его очерках, по выражению Игоря Александровича, было просто «могущественно». А их основное содержание воплощалось «в эпизодах и ситуациях жизни» и, как в знаменитых диалогах Достоевского (по М. М. Бахтину), в «столкновении идей и мнений по самым острым поводам сегодняшней общественной практики» [2, с. 191]. Злободневные деревенские очерки Овечкина, с их «добротой и человечностью», с «активной нравственной силой», стали своеобразной

прелюдией к процессу постепенного произрастания и становления деревенской прозы, освободившейся в изображении сельской жизни от «неправды и фальши» [2, с. 190].

Анализируя роман В. Н. Семина «Нагрудный знак “Ост”», посвященный трагической судьбе советских остербайтеров в гитлеровской Германии, Дедков, для более глубоко и авторитетного обоснования своей нравственно-гуманистической позиции, вновь обращается к творчеству Достоевского. Сначала он приводит небольшую цитату из его романа «Записки из мертвого дома»: «Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение», – которую можно было бы истолковать как утверждение о том, что не существует пределов к способности и готовности человека к унижению и падению. Однако Дедков вкладывает в эти строки принципиально иной смысл, чем Достоевский: «привыкать – значит бороться за жизнь, во что бы то ни стало – выживать. Это значит, что каковы бы ни были, какой бы рекорд бесчеловечности ни устанавливали, человек все равно будет упорствовать, сопротивляться смерти, падать и подниматься, повинувшись могущественному и святому инстинкту к жизни». И, как окончательный вердикт, амбивалентный первоначальному выводу: «Но это не всегда равнозначно беспредельному приспособлению, подчинению, привыканию» [3, с. 305]. В этом и согласие с нравственной оценкой сущности человека, сформулированной Достоевским, и последующая гуманистическая интерпретация и рецепция его позиции в литературной критике и личной биографии Дедкова [12, с. 60–61; 14, с. 201–202].

В литературно-критических статьях, книгах и дневниковых записях Дедков нередко обращается к широко известной фразе Достоевского из его романа «Братья Карамазовы» о «слезинке ребенка». А точнее, об утверждении мысли о том, что когда идея «высшей гармония» превращается в «ад», то «не стоит она слезинки... замученного ребёнка» [11, с. 223]. Так, к примеру, «о слезинке ребенка», с прямой ссылкой на Ивана Карамазова, Дедков упоминает в дневниковой записи от 23 июля 1968 года (во время ввода советских войск на территорию Чехословакии), где им приводится цитата из В. Г. Белинского по книге «Толстой и Ницше» Л. И. Шестова [4, с. 108]: «Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови» [4, с. 107].

Подавление, как тогда говорили, «чехословацкого мятежа», стало огромной личной трагедией для костромского критика. Перефразируя получившую в то время распространение политически заряженную фразу о «социализме с человеческим лицом», Дедков 16 мая 1974 года, в своей дневниковой записи, интерпретирует ее с нравственно-гуманистических позиций, как социализм с «умным лицом, социализм умных людей, а не властолюбцев, не корыстных и трусливых прислужников власти» [4, с. 163]. То есть как высокоинтеллектуальный, разумный общественный строй, где сознание (а не экономика, как в марксизме) является его базисом, а не «надстройкой». Стоит попутно заметить, что Дедков весьма внимательно относился к философии «общего дела» Н. Ф. Федорова (которой интересовались и Достоевский, и Л. Толстой), к учению о ноосфере В. И. Вернадского и, в целом, к тому течению естественнонаучной и философской мысли, которое получило название «русского космизма», видя в нем духовную альтернативу разнонаправленным и эгоистическим устремлениям современного милитаризованного мирового сообщества.

Подразумевая бесценность и уникальности жизни жертв сталинского режима, загубленных во имя великой цели построения социализма и коммунизма, Дедков так написал в «Дневнике»: «Как нам представить себе и понять отчаяние и муку тех, кто не дожил, кто так навсегда и остался в тех великих временах со своей единственной, бесцеремонно оборванной жизнью. И еще – ...те неискупимые слезы, которые никогда не будут забыты... Достоевский знал, что те слезинки не искупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все претензии, все возвышение человеческое, все самовосхваление власти

и преобразователей русской жизни – ничего не значат» [5, с. 227]. Такая гуманистическая позиция – как творческий метод познания, осмысления исторического прошлого и настоящего – проявлялась не только в интимных дневниковых записях, но и в литературно-критических и публицистических работах Дедкова.

В предисловии книге В. О. Богомолова «Эта незабытая далекая война» Дедков в очередной раз использует полюбившуюся ему фразу из романа Достоевского «Идиот» о «слезинке ребенка» (то есть о страдании невинного человека, особенно ребенка, ради достижения каких-либо «высоких» трансцендентальных целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов – это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне со взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, – пишет литературный критик, – что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф. М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребенка. В истории Ивана Буслова нет слез, но страдания его тоже из неискупимых» [5].

В другой работе, посвященной исследованию военной прозы все того же В. О. Богомолова, Дедков опять отталкивается, как спортсмен от трамплина, от базового для его мировосприятия концепта о «неискупимой слезинке ребенка». По мнению литературного критика, этот писатель, как он пишет в статье «Момент истины (Владимир Богомолов)», «кажется, постоянно помнит о ничем не искупаемой слезинке ребенка» [3, с. 222]. И далее: «Именно дети посреди войны, ставшей для миллионов работой, бытом, самой жизнью (другой может и не быть), вдруг напоминают о масштабах развернувшейся, разведшейся трагедии, об истинных, но попраных ценностях человеческого существования» [3, с. 222].

В романе «В августе сорок четвертого» уже на первых страницах Богомолов выводит другой образ «мальчонки примерно двух с половиной лет, беловолосого, с стирано-перестиранной рубашонке», из которой «выглядывала необычайно маленькая багровая культа». И отнюдь не сентиментальный, выдавший виды разведчик Алехин, насмотревшийся на войне на многие ее ужасы, буквально обомлел «при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза» [3, с. 221]. Мысль об этом конкретном физически изуродованном войной мальчишке, а также о всех других «страдающих, ни в чем не повинных детях, попавших в непонятную и странную “передрагу”, живет в героях В. Богомолова неотступно, – пишет Дедков. – Их работа, их профессионализм оказываются, прежде всего, средством для возмездия и возвращения всем нормальной естественной жизни» [3, с. 223].

Дедков, можно сказать, буквально насквозь пропитан гуманистическими идеями Л. Толстого, Достоевского и других русских дореволюционных писателей и философов. «Правители, которых можно желать, – пишет в своем «Дневнике» Дедков, – должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более чем в чем-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив русскую классическую литературу, что невозможно» [4, с. 121].

В то же самое время, сравнивая отношение Дедкова к Достоевскому и Л. Толстому, можно сказать, что приоритет, с точки зрения «народности», он отдавал второму. По мнению критика, высказанному им в дневниковой записи от 3-го января 1981 г., «народному мирозерцанию художественный мир Достоевского – чужой». В то время как «Толстой с народным мирозерцанием считался больше и понимал его лучше; и в конечном счете смог его выразить лучше, проникся им» [4, с. 313]. В развитие этой темы можно припомнить, что у Дедкова вы-

звала возмущение небольшая статья В. Г. Распутина, посвященная 800-летию «Слова о полку Игореве», в которой тот «нашу национальную духовность» возвел исключительно к «Слову», Пушкину и Достоевскому, забыв в этом ряду упомянуть Л. Толстого [17, с. 23]. Для писателей националистически-патриотической ориентации, к коим Дедков причислял и В. Г. Распутина, Л. Толстой – это «слишком свободный художник и мыслитель» [4, с. 478].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что не только Достоевский, но еще и Л. Толстой, а также целый ряд других дореволюционных литераторов сыграли огромную культурологическую роль в процессе формирования той неповторимой духовно-нравственной позиции, с высоты которой Дедков оценивал современных ему советских писателей.

Литература

1. Дедков И. А. Из чего «выстраивается» духовность? // Литературное обозрение. 1979. № 1. С. 26–33.
2. Дедков И. А. Из чего «выстраивается» духовность? // Дедков И. А. Во все концы дорога далека: Литературно-критические очерки и статьи. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1981. С. 178–198.
3. Дедков И. А. Возвращение к себе. Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1978. 320 с.
4. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда. 2005. 792 с.
5. Дедков И. А. Эта незабытая далекая война (Предисловие). URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytayadalekaya-voyna-predislovie.html> (дата обращения 30. 03.2021).
6. Дедков И. А. Достоевский в школе // Северная правда. 1968. 27 декабря.
7. Дедков И. А. Братья Карамазовы // Северная правда. 1969. 13 апреля.
8. Дедков И. А. Из мглы самообмана: из современных умонастроений // Коммунист. 1991. № 3. С. 8–17.
9. Дедков И. А. По ту сторону надежды // Дедков И. А. Эта земля и это небо: очерки, заметки, интервью, дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов / сост. Т. Ф. Дедкова; отв. ред. Н. В. Муренин. Кострома: Костромаиздат, 2005. С. 17–22.
10. Дедков И. А. В искусстве нет губернских небес // Дедков И. А. Эта земля и это небо: очерки, заметки, интервью, дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов / сост. Т. Ф. Дедкова; отв. ред. Н. В. Муренин. Кострома: Костромаиздат, 2005. С. 305–308.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIV. Л.: Наука, 1976. 624 с.
12. Зайцев А. В. К вопросу об источниках гуманистического мировоззрения Игоря Дедкова // Кострома. Genius Loci: альманах / [сост. и отв. редактор А. В. Зайцев]. Кострома: Костромской государственный университет. 2020. Вып. 3. С. 16–31.
13. Зайцев А. В. «Костромской экзистенциализм» Игоря Дедкова // Национальные приоритеты России. 2021. № 1(40). С. 57–65.
14. Зайцев А. В. Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. А. Дедкова: истоки, природа, сущность // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 193–203.
15. Индивидуальное, но сопротивление. Интервью доктору исторических наук Е. Ю. Зубковой // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 16–47.
16. Лебедев Ю. В. Завещание Игоря Дедкова // Дедковские чтения, 1995–2001: Статьи, воспоминания / сост. Т. Ф. Дедкова. Кострома, 2004. С. 67–74.
17. Распутин В. Г. Вечный родник. 800-летие «Слова о полку Игореве» // Памятники Отечества. 1985. № 2 (12). С. 23.
18. Цанн-Кай-Си Ф. В. И. Дедков: от «строгости марксизма» к реальному гуманизму // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 2. С. 11–16.
19. Цанн-Кай-Си Ф. В. Жизненный мир в творчестве И. А. Дедкова: опыт философской рефлексии // Костромской гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 23–27.
20. Шульц Л. Б. И. А. Дедков и философия искусства // Дедковские чтения, 1995–2001: Статьи, воспоминания / сост. Т. Ф. Дедкова. Кострома, 2004. С. 116–118.